

и кропотливой работы советской дипломатии как с руководством КР и китайской общественностью, так и с японскими официальными лицами (док. №№ 321, 325, 333, 337). Вооруженные конфликты на озере Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-гол в Монголии в 1939 г. доказали своевременность и эффективность принятых мер. Победа в них в значительной степени повлияла на изменение вектора японской экспансии, перенаправив его с севера на юг, что, в свою очередь, помогло СССР избежать войны на два фронта в 1941 г.

В опубликованных в сборнике документах затрагивается вопрос об отношениях СССР с Синьцзяном, фактически не подчинившимся нанкинскому правительству. Тесные торгово-экономические связи СССР, а также военная и финансовая помощь Синьцзяну, которое оказывало советское правительство в борьбе с попытками Англии и Японии создать на его территории враждебное СССР и Китаю правительство, способствовали экономическому развитию региона, укреплению там дружественной СССР власти и безопасности его границ. Вместе с тем, советское руководство и в контактах с нанкинским правительством, и с администрацией Синьцзяна постоянно подчеркивало свою принципиальную позицию на сохранение суверенитета Китая над этой территорией (док. №№ 56, 133, 134, 141, 172, 210). Усилия СССР по налаживанию отношений с Синьцзяном позволили сохранить его в составе Китая. Именно через него с 1937 г. пошла военно-техническая помощь КР.

Принципиальная и последовательная позиция СССР способствовала формированию в политической элите и общественном мнении Китая понимания необходимости более тесного сотрудничества между двумя странами.

О.М. Медушевская. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ. М.: РГГУ, 2008. 358 с.

В монографии известного ученого, теоретика науки О.М. Медушевской (1922–2007) представлено системное понимание и изложение “когнитивного репертуара” современной исторической науки с точки зрения исследовательской практики историка-источниковеда.

На фоне существования различных представлений в профессиональном сообществе о статусе исторической эпистемологии и формах исторического знания в “ситуации смены парадигм” (с. 15), в книге представлена исключительная в современной российской историографии историко-философская позиция построения “парадигмы истории как

На этот период приходится активное развитие культурных и гуманитарных связей КР и СССР: в 1934 – 1935 гг. произошел обмен выставками работ известного китайского художника Сюй Бэйхуна и работ советской графики, состоялись гастроли в СССР театра пекинской оперы во главе с Мэй Ланьфаном, была достигнута договоренность об обучении в СССР музыкальных работников из Китая (док. №№ 251, 274). В 1935 г. под прямым руководством ЦИК ГМД и при активном личном участии Чэнь Лифу было создано Китайско-советское культурное общество, которое возглавил сын Сунь Ятсена председатель Законодательного юаня Сунь Фо (док. №№ 298, 305, 324, 373).

В сборнике также содержатся документы, касающиеся международного экономического сотрудничества на Дальнем Востоке, вопросов судоходства, рыболовства, нефтедобычи, торговли нефтепродуктами и лесом, организации воздушного и пароходного сообщения и др. (док. №№ 9, 44, 114, 175, 176, 179, 238, 248, 294, 308, 405). Несомненный интерес представляют документы о контактах официальных представителей КР с сыном Чан Кайши Цзян Цзиньго (Н. Елизаровым), находившимся с 1925 г. в СССР (док. №№ 241, 263, 375), об имуществе Русской духовной миссии в Китае (док. № 177). В целом рассматриваемое издание является ценной документальной базой для многих исследований по истории русско-китайских отношений, а также международных отношений в Восточной Азии и на Тихом океане.

А.В. Виноградов,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник
Института Дальнего Востока РАН

строгой науки” (с. 16). Последняя предполагает, что обеспечение фундаментальной идеи единства строгого научного знания, которая направлена на выявление системных свойств исторической реальности, не может обойтись без “философской концепции теории и методологии истории как науки о человеке” (с. 196). Таким образом, в качестве главной интеллектуальной предпосылки выстраивания системы представлений об объекте и предмете когнитивной истории выступает понимание того, что исходным теоретическим основанием является, прежде всего, философия

истории¹. “Когнитивная история, – утверждает автор, – это прежде всего философия истории, философия человеческого бытия в истории. Поэтому проникновение философского подхода в исторический профессионализм в каждом своем проявлении есть событие становления когнитивной истории” (с. 163).

Для развития когнитивной истории, пишет О.М. Медушевская, “решающим историографическим фактом” стали феноменологическая философия и феноменологический подход к рассмотрению исторических явлений, разработанные в трудах А.С. Лаппо-Данилевского (с. 185–204). Главные возможности феноменологической парадигмы заключаются в использовании инновационного потенциала “когнитивно-информационной” модели, которая своей фундаментальностью задает новые оптимальные и системообразующие параметры всему современному проекту гуманитарного знания и образования (с. 312–313).

Основной тезис рассматриваемой книги можно сформулировать кратко – нет, и не может быть никакой *другой* истории кроме истории человеческого мышления (когнитивной истории), постижение которого и его опыт на всем протяжении существования человечества является главной проблемой науки (с. 20). Мышление деятельно и интенционально по своей природе, поэтому эмпирическим объектом когнитивной истории является вся совокупность целенаправленно созданных в ходе исторического процесса человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности, через которые он “ежеминутно формирует свою рукотворную, человеческую новую реальность” (с. 17–18). Исследование возможностей и пределов человеческого мышления входит в представление о предмете когнитивной истории, поскольку представляется возможным изучить человеческий познавательный процесс по его осязаемым, вещественным и осознанным результатам. Таким образом, все исторические артефакты мышления (общая конфигурация “зафиксированных” источников, произведенных в результате творческой и познавательной деятельности), и исследовательская стратегия когнитивиста-историка, направленная на рассмотрение проблемы “мышления о мышлении” той или иной эпохи, по определению, обратимы (с. 277).

Логика автора теории и методологии когнитивной истории выстраивается на утверждении господства в ней различного рода всеобщностей, которые, с одной стороны, обуславливают единство назначе-

ния, структуры и функционирования “информационного ресурса” общественного сознания и исторического знания в социуме на каждый момент истории (с. 107), а, с другой – призваны показать, что исторический процесс по-прежнему остается открытым и доступным для рационального осмысления (с. 106).

“Когнитивная история в своих основаниях претендует на системный подход”, – пишет О.М. Медушевская (с. 270). Системными качествами обладают и все базовые понятия концепции когнитивной науки, используемые автором в книге, что само по себе артикулирует в поле научной истории актуальные проблемы современной философии науки².

Обычно под системой подразумевается нечто такое, что способно отличать себя от внешней среды и постоянно воспроизводить эту границу на структурно-функциональном уровне взаимодействия своих подсистем. Это считается уже общим местом в современной системной теории, вне зависимости от научной специализации³. О.М. Медушевская применяет данный подход к исторической науке: “В центре современных размышлений научного сообщества – целостность и системность исторического процесса, его системные качества как части мирового целого, принципы организации эволюционного и коэволюционного исторического целого, перспективы и возможности исторического познания” (с. 189). В этой формуле лаконично выражена авторская позиция.

Исходно системный объект когнитивной парадигмы истории “мыслится как адекватный человечеству” (с. 8), в частности, представляет собою универсальную систему человеческого мышления и поведения (деятельности), которая “ограничена” возможными пределами времени и места протекания исторического процесса. Историческая наука, выступая в качестве когнитивной “подсистемы” наблюдает единство исторического процесса как эпифеномен деятельности мышления индивидов, который представляет собою “воплощенный в материальный объект набор идей” и предстает как “информационный ресурс реальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности”. Последний выступает для науки в качестве “макрообъ-

² Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М., 2003; Баксанский О.Е. Система когнитивных наук. – Системный подход в науке (к 100-летию Людвиг фон Бергаланфи). М., 2004, с. 276–308.

³ Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001; Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.

¹ Данный тезис можно найти и в книге: Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории: Учеб. пособие. М., 1997, с. 5.

екта”, единицы которого (интеллектуальные продукты как материальные образы идей их авторов) наделены универсальными свойствами однородной общей совокупности сознаний индивидов, что позволяет идентифицировать этот общий информационный ресурс как реальные проявления человеческого мышления “в его состоявшихся в истории проявлениях” (с. 284). Поэтому информационная система общества, пишет О.М. Медушевская, это “фундаментальное понятие для исследования способов самоорганизации человеческих сообществ в их статике и динамике” (с. 284). В итоге, факт мышления сближается с понятием вещественно существующего объекта (с. 200), данная “вещь” становится адекватным выражением мыслительной “деятельности человека в формах реализованного интеллектуального продукта” (с. 202), выступает как базовая процедура “схватывания механизма функционирования целого” (с. 217) и, наконец, является “точкой доступа в замкнутую систему общечеловеческой информационной опосредованной коммуникации” (с. 281).

Остается загадкой, как когнитивная наука, являясь подсистемой самореферентной организации человеческого мышления, может адекватно распознавать и декодировать смыслы самой данной системы, опираясь только на процедуры структурного сопряжения с ней, результатом которых является обнаружение информационных продуктов ее жизнедеятельности?! Здесь на уровне когнитивных практик подсистема науки выступает для человеческого мышления, говоря языком системной теории, лишь “наблюдателем первого порядка”, но далеко не единственным и аутентичным, “непосредственно наблюдаемым” (с. 248). Впрочем, О.М. Медушевская оговаривается: “Для получения точного проверяемого знания о системе в принципе необходим выход наблюдателя за пределы – структурно-функциональный подход” (с. 222).

О.М. Медушевская отмечает, что в “теории произведения ключевое значение имеет момент сознательного целеполагания” (с. 245), т.е. возникновение интеллектуальных продуктов “имело свои рациональные основания” (с. 248). Именно поэтому, как полагает автор книги, при всем разнообразии и даже уникальности их индивидуальных свойств в основе своей они “имеют типологические модели, определенные структуры” (с. 251). Поскольку человеческое мышление исторично, а его атрибуцией служит “системообразующая составляющая” целеполагания, то оно способно указать сущностное содержание, процессуальную форму и смысл истории. В аспекте целеполагания мышление обладает единой рациональной структурой (под струк-

турой автор монографии полагает “устойчивые связи элементов в системе целого”), индивид “создает некий продукт по универсальной “схеме”... благодаря чему возникает возможность понять другого по аналогии с самим собой” (с. 225); психика не отражается на реальности продукта, поскольку он – результат именно человеческой деятельности, которая социально обусловлена конкретно историческими условиями (с. 226), но это не мешает автору книги заметить, что в своих человеческих механизмах психика, тем не менее, “типологически однородна” (с. 223). На основании тезиса о том, что “единство сознания индивида проявляет себя в создании интеллектуального продукта, – заключает О.М. Медушевская, – можно построить научную гипотезу интерпретации”, которая строится в обратном порядке: “от продукта к замыслу, для реализации которого продукт и был целенаправленно структурирован” (с. 292).

Гносеологические возможности истории как когнитивной науки находят свое полное развитие в вопросе об эмпирическом объекте наблюдения в гуманитарных науках. Согласованность представлений сообщества “прежде всего о своем объекте” О.М. Медушевская считает признаком парадигмальным, поскольку “позволяет далее применять общие критерии истинности и доказательности в оценке новых научных результатов” (с. 292). Феноменологический тезис о “целостности и системности окружающего мира” и принципиальной возможности выявления “универсальных свойств в эмпирике конкретных объектов” (с. 184) создает перспективу возможного складывания “метадисциплинарных связей” в системе когнитивных наук (с. 293), в которых, однако, “источниковедческое направление выступает как все более значимое, актуальное, а в конечном счете как самодостаточное” (с. 186). Из этого следует, что фундаментальной когнитивно-информационной моделью гуманитарного познания является использующая источниковедческий подход феноменологическая “история как наука наблюдения” (с. 302), а под моделью образовательной автор исключительно “имеет в виду образовательную модель историко-архивоведения” (с. 313).

Термин “информационный магнетизм” (с. 41), используемый О.М. Медушевской для обозначения эффекта переживания нового качественного состояния индивидуальной психики человека, достигаемого в процессе восприятия созданного другими людьми интеллектуального продукта, вполне применим для обозначения той реакции, которую вызвала книга “Теория и методология когнитивной

истории” в среде гуманитариев и сообщества профессиональных историков⁴. Когнитивно-информационная теория О.М. Медушевской претендует сегодня на статус “новой философской парадигмы гуманитарного познания”⁵, а сама книга уже названа “классикой современной исторической науки”⁶ и подробно разобрана в публикациях профессионалов⁷.

Проблемы, рассматриваемые в книге О.М. Медушевской и сформулированные в ходе ее обсуждения в научной периодике, затрагивают общую позицию историков о содержании современной философско-методологической рефлексии над исторической наукой, а также приглашают к дискуссии о применении оптимальных форм строгой рациональной репрезентации исторической реальности в современном историческом образовании.

Что нового для современного исторического познания дает монография О.М. Медушевской? Во-первых, “когнитивизм” в исторической науке возвращает ученых к проблематике изучения современности, ис-

⁴ “Круглый стол” по книге О.М. Медушевской “Теория и методология когнитивной истории”. – Российская история, 2010, № 1, с. 131–165; *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании. – Российская история, 2009, № 10, с. 3–22.

⁵ *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания. – Вопросы философии, 2009, № 10, с. 70–92.

⁶ *Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения. – Российская история, 2009, № 1; *Плавская Е.В., Румянцева М.Ф.* Международная научная конференция “Чтения памяти профессора О.М. Медушевской”. – Российская история, 2009, № 6.

⁷ *Сабенникова И.В.* Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – Российская история, 2009, № 2, с. 179.

ходя из наблюдения за ней самой (подвергая при этом принцип историзма критике как индикатора “традиционной” парадигмы “нарративизма”) – изучению саморазвивающейся системы с четкими структурами и функциями произведенных мышлением человека интеллектуальных продуктов, способу наблюдения и возможностям упорядочивать компаративно и целостно информационную картину современности, получая фундаментальное, философски ориентированное знание. Во-вторых, позволим себе высказать предположение, что представление и активное обсуждение в профессиональном сообществе историков идеалов и норм когнитивной истории является “историографическим фактом” и знанием, выявляющим какие-то системные свойства самой окружающей ученых реальности (с. 197). Как возникновение источниковедения в XIX в. было обусловлено “становлением национально-государственной идентичности Нового времени” (с. 150), так и появление теоретико-методологического трактата О.М. Медушевской “в снятом виде” обусловлено социокультурными детерминантами настоящего времени, которое предполагает в перспективе системный подход к изучению структур и функций конкретного типа информационного общества в условиях преодоления т.н. когнитивного диссонанса.

Будет ли книга О.М. Медушевской, предлагающая в качестве базового инструментария теорию и методологию когнитивной истории, воспринята профессиональным сообществом как единый проект “модели потребного будущего” современной российской исторической науки покажет время.

Д.В. Лукьянов,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедры
истории России нового времени
факультета истории, психологии и права
РГГУ

Я.Г. Рокитянский. ГУМАНИСТ ОКТЯБРЬСКОЙ ЭПОХИ: АКАДЕМИК Д.Б. РЯЗАНОВ. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ, ПРАВООЩИТНИК, УЧЕНЫЙ. М.: изд-во “Собрание”, 2009, 576 с.

Книга посвящена академику Давиду Борисовичу Рязанову (1870–1938), известному ученому-обществоведо, знатоку истории марксизма, международного рабочего и социалистического движения, политику и общественному деятелю.

Автор работы – научный обозреватель журнала “Вестник РАН”, кандидат исторических наук Я.Г. Рокитянский, написавший ряд

исследований не только о Д.Б. Рязанове, но и по проблемам марксизма, утопического социализма, рабочего и социал-демократического движения, истории России и ее науки, жизни и деятельности российских ученых. Я.Г. Рокитянский заинтересовался личностью Д.Б. Рязанова в конце 1980-х годов и вскоре начал активный архивный поиск многочисленных следов его деятельности, в том числе